

глагола и дополнением (его наличием или отсутствием, его типом и т. д.), которая свойственна английскому языку¹.

Итак, на наш взгляд, структурная «достаточность» ряда служебных глаголов в английском языке основывается в значительной мере на такой общей закономерности, как наличие особо тесных связей между подлежащим и спрягаемой формой глагола². Возникает вопрос, как это явление соотносится с другими общими тенденциями развития строя английской речи. В этой связи нам кажется возможным предположить, что для рассматриваемых явлений существенными оказались те тенденции к структурному размежеванию важнейших синтаксических компонентов внутри предложения, которые проявляются в целом ряде индоевропейских языков. А. А. Потебня указывал как на важнейший момент в развитии индоевропейского предложения на усиление различий между именем и глаголом. Вместе с тем А. А. Потебня отмечал, что это развитие связано и с общей перестройкой внутри предложения, с растущей формальной дифференциацией членов предложения, обеспечивающей его единство и в усложненном виде³. Правда, для более новых этапов развития индоевропейских языков этот процесс сводится скорее к все более четкому выделению сказуемого (не только глагольного) из числа остальных членов предложения, а в некоторых языках (особенно в немецком языке) возникает резкое противопоставление глагольно-сказуемой группы, охватывающей и организующей все предложение, группе существительного, четко организованной внутри себя. Смысл этих процессов — обеспечение более четкой и наглядной организации предложения в условиях нарастающей сложности его состава.

Выделение одного сочетания — сочетания подлежащего с глаголом — как структурной основы предложения, являющейся его необходимым «минимумом» и резко отличающейся в морфологическом плане от всех остальных типов сочетаний, и оказывается в английском языке проявлением этой общей структурной тенденции в организации предложения. Конечно, само по себе обязательное наличие подлежащего при глаголе соответствует нормам аналитического строя. Но закономерностями аналитического строя нельзя объяснить, например, возможность структурной завершенности предложения при полной лексической невыраженности предикатива.

В. Г. Адмони

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ. I

Русское *абрек*

С тридцатых годов прошлого века, когда в русскую литературу прочно вошла кавказская тема, русский литературный язык обогатился новым словом: *абрек*. А. Марлинский и М. Лермонтов были если не первыми писателями, путившими его в оборот, то, во всяком случае, наиболее способствовавшими его популяризации⁴.

В «Аммалат-Бек» Марлинского *абрек* встречается неоднократно. Например: «*Абреки*, чтоб не разорваться в натиске, связались друг с другом поясками, и так бросились в сечу...». У Лермонтова в «Бэле»: «Говорили про него [Казбича], что он любит таскаться за Кубань с *абреками*, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья...». «... верно, пристал [Азамат] к какой-нибудь шайке *абреков*, да и сложил буйную голову за Тереком, или за Кубанью...»; «... я ездил с *абреками* отбивать русские табуны...». У Л. Толстого в «Казаках»: «... казаки каждый час ожидали переправы и нападения *абреков* с татарской стороны...»; «Объезд, посланный для розыска *абреков*, застал не-

¹ См. В. Н. Ярцева, Свободное и связанное дополнение в английском языке, стр. 410.

² Нерасторжимость сказуемого сочетания особенно велика с точки зрения глагола. Спрягаемая форма глагола без подлежащего встречается исключительно редко.

³ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, чч. I—II, Харьков, 1888, стр. 534—535, 220.

⁴ Наиболее раннее известное нам упоминание об *абреках* относится к 1743 г.: «В самом том месте живут до тридцати дворов люди и по кабардински называют *обрек*. А оные суть бегленцы ис кабардинцев же и из кумык и такие, которые училили убийства или другие важные проделзости и оттого збежали в Тартартул...» — см. «Сообщение кизлярского джорджина Алексея Тузова в Коллегии иностранных дел...», в кн. «Материалы по истории Осетии. (XVIII век)», т. I («Изв. Сев.-осет. научно-исслед. ин-та», т. VI), Орджоникидзе, 1934, [шмунтит.: 1933], стр. 34.

сколько горцев верст за восемь от станицы, в бурунах. *Абреки* засели в яме, стреляли и грозили, что не отдадутся живыми».

Встречается *абрек* и у современных писателей.

«— Кто — мы? Конечно, — разбойник. Мы дома жжем, людей режем, деньги себе берем. Мы *абреки*» (А. Толстой. Необыкновенное приключение Никиты Рощина); «Но пришел отец Ахмета, потомок известных *абреков*, в Адыгею как переселенец отсюда, из предгорной Черкесии...» (А. Первенцев, Кочубей) ¹.

Легко убедиться из приведенных цитат, что словом *абрек* обозначалось определенное поитие из к а в к а з с к о й действительности. Оно мыслилось всегда как неразрывно связанное с Кавказом и не применялось к аналогичным понятиям русской действительности, не становилось синонимом русских слов *разбойник*, *бродяга* и т. п.

При определении содержания слова *абрек* у русских писателей и лексикографов можно заметить две тенденции. Одну можно назвать романтической, другую — реалистической. Начало романтическому представлению об абречестве положил Марлинский в «Аммалат-Бекке»: «Но что такое *абреки*, Джембулат? — Это не ложко тебе растолковать. Вот видишь: многие из самых удачных наездников иногда дают зарок, года на два, на три, на сколько вздумается, не участвовать ни в играх, ни в веселиях, не жалеть своей жизни в набегах, не щадить врагов в битве, не спущать ни малейшей обиды ни другу, ни брату родному, не знать завета на чужое, не боясь преследований или мести... — Одни [берут такой зарок. — В. А.] просто из молодечества, другие от бедности, трезьи с какого-нибудь горла».

В этой тираде абрек выступает в ореоле удачества, героизма, отреченности, фанатизма. Трудно догадаться, что речь идет о людях, живущих разбоем. Романтический образ абрека, созданный Марлинским, оказал сильное влияние на последующих писателей и лексикографов.

Е. Э. Дрилянский в произведении, посвященном псовой охоте, так характеризует ловчего (руководителя псовой охоты): «Ловчий по призванию, это *абрек*, сорви-голова, жизнь-копейка! Человек на диво другим, человек по воле, по охоте обречший себя на труд, на риск, на испытание, на истязание...» («Записки мелкотравчатого»).

В. Даль толкует слово *абрек* следующим образом: «... отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приславший для грабежа к первой шайке» ². Здесь дается два определения, из которых первое идет от Марлинского, второе, возможно, от Лермонтова (ср. приведенное выше место из «Бэлы»: «... верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков...»). Под обаянием Марлинского находится еще академический «Словарь русского языка» 1891 г., который так определяет слово *абрек*: «кавказский горец, давший срочный обет итти бесстрашно на смерть, мстить кровью за всякую обиду и т. п.».

Более реалистическое понимание слова *абрек* как «разбойник» находим уже у Лермонтова (см. приведенные выше места из «Бэлы»). Л. Толстой в «Кавказах», впервые упоминая слово *абрек*, в примечании пишет: «*Абреком* называется немирной чеченец, с целью воровства или грабежа переправившийся на русскую сторону Терека». Здесь точно передано содержание, которое вкладывалось в слово *абрек* русскими, участвовавшими в кавказской войне.

Так же понималось слово *абрек* в среде терского казачества, один из представителей которого М. Караулов в статье «Говор гребенских казаков» дает такое определение: *Абрек* «1) отщепенец, изгой (у туземных племен), человек, порвавший всякие связи с общиной и действующий во всем на свой страх, промышленный разбоем, головорез, отсюда *абреки* 2) отважные удалыцы, перебиравшиеся на левый берег Терека (до завоевания Северного Кавказа) в казачьи земли и врасплох напавшие на бесчеловечных жителей, занятых полевыми работами и т. п.; разбойники из туземцев (чеченцев, игушей, кабардинцев)» ³.

Под влиянием Лермонтова, Л. Толстого, может быть, Караулова распространилось неточное понимание абречества как явления, связанного исключительно с кавказскими войнами (в действительности, как увидим ниже, это слово и понятие бытовали у кавказских народов задолго до кавказских войн). В советское время набеги горцев на русские поселения стали рассматриваться уже не как хищничество, а как освободительная война против царских колонизаторов. В связи с этим соответственно изменилось толкование слова *абрек* в наших словарях: «разбойник» превратился в «партизана». В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова и в Акаде-

¹ Выражаем благодарность работникам картотеки русского словаря Института языкознания АН СССР в Ленинграде, любезно предоставившим нам свои материалы по слову *абрек*.

² В. Д а л ь, Толковый словарь великорусского языка, т. I, М., 1935, стр. 2.

³ М. А. К а р а у л о в, Говор гребенских казаков, Сб. ОРЯС, т. LXXI, № 7, 1902, стр. 46.

мическом словаре русского языка 1948 г. так и сказано: «*Абрек* — в эпоху завоевания Кавказа царской Россией — горец-партизан»¹.

Отметим еще, что и в словаре, составленном С. И. Ожеговым (изд. 1949 г.), *абрек* определен неточно как «воинственный горец». *Абреки*, как правило, бывают воинственными, но не всякий воинственный горец зовется *абреком*.

Если мы обратимся к кавказской действительности и спросим, кого называли *абреком* кавказские народы, у которых есть это слово, то мы должны будем признать, что наиболее точное определение будет — «разбойник». *Абрек* — это прежде всего лицо, живущее разбоем. Но как и у других народов, разбойник — не всегда резко отрицательная фигура. Абречество очень часто было формой социального протеста. Угнетенный, не имея сил в открытую бороться с угнетателями, «убегал в абреки» и вел беспощадную борьбу с обидчиками, пользуясь поддержкой и симпатией народных масс. О таких *абреках* составляли хвалебные песни. Абреческие песни широко распространены у кавказских горцев и составляют существенную часть героико-песенного жанра.

В старое время, в условиях родового строя и межродовой вражды одним из источников, питавших абречество, была кровная месть. Если представитель слабого рода становился кровником более сильной фамилии, ему грозило неизбежное физическое уничтожение. Единственным спасением для него, если не удавалось добиться примирения, было — или переселиться куда-нибудь подальше или бросить все и стать абреком.

Таким образом, абречество было, в условиях старого кавказского быта, значительным социальным явлением, имевшим корни в объективной действительности, формой протеста против общественной несправедливости, насилия над личностью. Но все это не снимало основного признака абрека — что он жил разбоем. Тем более, что и обычный грабитель, не имевший ничего общего с типом «благородного разбойника», Робин Гуда или Дубровского, также назывался *абреком*.

Установив значение слова *абрек* — «разбойник», мы можем теперь заняться его этимологией.

История появления и распространения этого слова в русской литературе не оставляет сомнения, что оно вошло в русский язык из языков Кавказа. Только в виде курьеза можно вспомнить «этимологию» В. Даля, который (правда, под вопросом) производил *абрек* от *обрекатся*².

В языках Кавказа слово *абрек* в разных вариантах имеет действительно весьма широкое распространение: черкес. *abreg*, кабард. *abräg*, осет. (иронский диалект) *abyræg*, (дигорский диалект) *abæreg*, *abreg*, ингуш. *äbærg*, чечен. *oburg*, авар. *aburik*, груз. (в диалектах) *abragi*, *abrak'i*, *ap'arek'a*³, мегр. *abragi*, сван. *ambreg*.

Встают два вопроса: 1) из какого именно кавказского языка вошло *абрек* в русский язык и 2) какова этимология (происхождение) слова.

Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» утверждает, что русское *абрек* заимствовано из осетинского. При этом он ссылается на устное сообщение В. Ф. Миллера. Версия о заимствовании из осетинского повторена в словаре под ред. Ушакова и в Академическом словаре 1948 г.

М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка»⁴ считает более вероятным, что и русское и осетинское слово усвоены из черкесского, но тут же приводит и осетинскую этимологию В. Ф. Миллера.

Следует сказать, что если бы даже мы согласились с Миллером, что слово этимологизируется на осетинской почве (что, как мы увидим, неверно), заимствование в русский именно из осетинского мало вероятно. Во-первых, обе осетинские формы (*abyræg* и *abæreg*) в звуковом отношении не вполне подходят к русск. *абрек*, во всяком случае меньше, чем черкесское *abreg*.

Кроме того, реальная обстановка, в какой происходило усвоение в русский язык этого слова, говорит против осетинского языка как непосредственного источника. Несомненно, что слово вошло первоначально в русскую во е н н у ю и к а з а ч ь ю

¹ Ср. противоречивые оценки движения горцев Кавказа в первом и втором изданиях БСЭ. В БСЭ¹, том 61, стр. 804 говорится о «национально-освободительном движении горских народов, направленном против колониальной политики царской России». В БСЭ², том 19, стр. 3 и 269 об этом же движении говорится, что оно «носило реакционный характер... поддерживалось Турцией и инспирировалось Англией», что боровшиеся против царских войск горцы представляли «агентуру правящих кругов султанской Турции и капиталистической Англии».

² В 4-м издании словаря Даля редактор Бодуэн де Куртене сопровождает эту «этимологию»роническим восклицательным знаком.

³ В литературном грузинском языке более употребительны другие слова: *qac'aci*, *avazak'i* «разбойник».

⁴ М. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Lief. 1, Heidelberg, 1950, стр. 2.

среду в период кавказских войн в связи с нападениями абреческих партий. Но в этих нападениях как раз осетины почти не участвовали. Со времени присоединения Грузии к России осетины считались «мирными» и сколько-нибудь заметного участия в действиях против русских не принимали. М. Караулов, отлично знавший обстановку, говорит об абреках «из чеченцев, ингушей, кабардинцев» (правильнее черкесов), не упоминая об осетинах. Это, конечно, не случайно.

Наиболее вероятным непосредственным источником для русского *абрек* следует признать и по звуковому облику и с точки зрения исторических реалий черкесское *abreg*. Но этим еще ничего не сказано об этимологии слова.

Попытку этимологического разъяснения слова *абрек* сделал В. Ф. Миллер¹. Он производит осетинское *abyræg* от глагола *byryn* «ползти», *abyryn* «уползти», видя в *abyræg* причастное образование со значением «уползший» (для точности следует сказать, что *abyræg* значило бы «уползший»).

Этимология вызывает серьезные сомнения уже со смысловой стороны. Конечно, разбойнику случается и ползти, но нельзя сказать, чтобы это был его отличительный признак. Особенно мало это подходит к кавказским абрекам, которые не зря рисовались как «удалые вездники» (Марлинский), а не ползающие существа.

Вполне очевидной оказывается несостоятельность миллеровской этимологии с формальной стороны. Дело в том, что если бы *abyræg* происходило от *byryn* «ползти», то в дигорском диалекте мы имели бы соответственно *raburæg* (приставке *a-* иронского диалекта отвечает *ra-* в дигорском, а основа глагола имеет огласовку *u*: *bur*). В действительности имеем *abæreg*, что не может быть поставлено ни в какую связь с *bur*-«ползти»².

Результатом какого-то недоразумения является этимология, которую дает в цитированной выше работе о говоре гребенских казаков М. Караулов: «араб. *äbräk* „смелый“ от *bäpäkä*». В арабском есть корень *brk* «благославлять» и *brq* «блистать», но о таком же корне со значением «смелый» и т. п. ничего не известно.

Мы думаем, что слово *абрег* и его разновидности родственны другому известному в некоторых языках Кавказа слову: *авара* «бродяга» (груз. *ävāra*, армян. *avara*, ср. груз. *avari*, армян. *avar* «добыча»). Происхождение *ävāra* хорошо известно. Оно усвоено из ново-перс. *avara* «бродяга»³. Ново-перс. *avara* восходит закономерно к среднеперсидскому **äpārak* «грабитель» от *äpārtan* «грабить». К этой среднеперсидской форме и восходит в конечном счете разновидности слова *абрек*: груз. *aparek'a*, *abrak'i*, осет. *abæreg*, черк. *abreg* и пр.⁴.

Иначе говоря, персидские слова были усвоены языками Кавказа дважды. Сперва в среднеперсидский период из **äpārak*; отсюда формы *abrak*, *abarek*, *aparek* и др.; потом в новоперсидский; отсюда груз., арм. *авара*:

ср.-перс. * <i>äpārak</i>	→	ново-перс. <i>avara</i>
↓		↓
груз. <i>ap'arek'</i> , <i>abrak</i>		груз. <i>avara</i>
осет. <i>abæreg</i>		арм. <i>avara</i>
черк. <i>abreg</i> и пр.		

Русское *слам*

Слам — слово жаргонное. В старое время оно было употребительно в речи маклаков, перекушников, биржевых дельцов, мазуриков и пр. Основное значение — «барыш, добыча», затем — «доля барыша или добычи, отдаваемая конкурентам в виде отступного или представителям власти в виде взятки» и т. п.

Даль дает такое объяснение: «срыв за то, чтобы отстать, не набивать пену, передать взятую работу и пр. *Взять сламу*»⁵. Иначе говоря, Даль имеет в виду более узкое значение «отступные». В «С.-Петербургских ведомостях» за 1870 г. № 36 приводится

¹ Сперва в ЖМНП (1886, октябрь, стр. 249—250), потом повторно в его работе «Die Sprache der Osseten» («Grundriss der iranischen Philologie», 1903, стр. 62).

² Г. Шмидт (G. Schmidt, Über die Kaukasischen Lehnwörter des Karatschajischen, «Iber Semisaeularis Societatis Fenno-Ugricae», Helsinki, 1933, стр. 466 и сл.) также отвергает этимологию Миллера, указывая как на последний источник на грузинское *abrak'i*, мергельское *abragi*. Однако последние сами нуждаются в разъяснении.

³ Из персидского оно попало в другие языки, в том числе новонидийские и в настоящее время получило широкую известность благодаря индийскому фильму «Бродяга» («Avāra»).

⁴ Г. Гюбшманн (H. Hubschmann, Etymologie und Lautlehre der Ossetischen Sprache, Strassburg, 1887, стр. 119) с неоправданным сомнением относится к связи между *abyræg* и *avara*.

⁵ В. Даль, Толковый словарь, т. IV, стр. 218.

употребление этого слова специально в речи маклаков: «Маклаки торговцы покупают продаваемое имущество компанией или, по употребляемому ими выражению, в *сламу*... Если на продажу является посторонний покупатель, то компания маклаков предлагает ему тот час же итти с ними в *слам* или взять отступного и не торговаться»¹.

В силу своей жаргонной специфики слово *слам* не получило доступа в «большую» литературу. Но все же оно встречается у некоторых писателей, знакомых с бытом тех слоев городского населения, в среде которых бывало это слово, — у М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Крестовского.

«—Ишь, ишь, ишь! адвокатов-то что собралось! — возопил он [Прокон]. — Это они *слам* делают!

— Какой еще *слам*?

— Такой и *слам*, что один какой-нибудь возьмет всю тунгу за себя, примерно хошь за сто тысяч — ну, пятьдесят себе оставит, а пятьдесят на драку». (Н. Щедрин, Культурные люди); «Ты с гостей с мужичи бери *сламу*, а с нашей сестры грешно; нам откуда взять!» (В. В. Крестовский, Петербургские трущобы); «Нынче Летучий утарно прокучивал выгодный *слам* с большого воровского дела, направо и налево, без толку соря своими деньгами» (там же).

У Крестовского же встречаются «блатные» выражения: *слам тырбанить* в смысле «распределять вырученную сумму между участниками», *слам юрдонить* «добычу прогнать» и др.

Составитель новейшего русского этимологического словаря М. Фасмер наряду с устойчивой лексикой русского литературного языка широко, хотя и несколько бессистемно, ввел в свой словарь также жаргонные и областные слова. Дано у него и слово *слам*. Фасмер полагает, что это слово образовано от *сломить* («zu s- und ломить (brechen)»²). Он исходит, очевидно, из семантики «дележа (добычи)». Однако, как видно из реального употребления слова, стержнем его семантики является не идея «дележа», а идея «барыша, добычи». От Фасмера ускользнула очевидная связь слова *слам* с тюркским *aslam* «выгода», «прибыль», «барыш», «процент»³. Это тем более странно, что Фасмер дает также областное русское *ослам* «барыш», «взятка», «процент», «могарыш», правильно производя его от тюркского *aslam*.

Нет сомнения, что *ослам* и *слам* это два рефлекса одного и того же тюркского слова, бытовавшие в разной среде и несколько разошедшиеся и по значению, и по внешнему облику. Расхождение значений настолько незначительно, что на нем не стоит останавливаться.

Что касается отпадения начального гласного в *слам*, то такое явление не чуждо русскому и вообще славянским языкам, в частности в заимствованных словах. Например, *лошадь* из тюркского *alaşa*, *лагуза* из тюрк. *alası* γ (ср. др.-русск. *алацуга*). Еще более показательны славянское *слон* (с начальной группой *сл-* как *слам*). Объяснение *слон* из *прислоняться* (Преображенский и др.), так как, мол, слон спит, прислонившись к дереву, явно искусственно. Оно смахивает на объяснение *абрек* от *обрекатся*. Наиболее убедительным из предложенных этимологий для слова *слон* остается заимствование из тюркского *aslan* «лев», и Фасмер прав, отдавая предпочтение этой этимологии⁴.

Кажется странным перенос значения «лев»→«слон», но подобные семантические курьезы бываюи с названиями животных, когда данная среда весьма смутно представляет их, так как соответствующие животные являются для нее экзотическими. Фасмер приводит в виде аналогии славянское название верблюда, которое через германское посредство восходит к названию слона (гр. ἐλέφαντ-). Еще более разительную параллель можно привести из осетинского языка, где название зубра *dombaj*, засвидетельствованное в этом значении в ряде кавказских языков, в современном употреблении стало означать... «л е в!» Связующим семантическим звеном явилось несомненно смутное представление о каком-то мощном, сильном животном. Это же представление лежит в основе передвижения значения «лев»→«слон» в славянском.

Нам представляется, что связывать русское *слам* с *сломить* неправильно; *слам* восходит к тюркскому *aslam* с такой же судьбой начального гласного, как в *слон* из *aslan*⁵.

В. И. Абаев

¹ См. Я. Грот, Филологические разыскания, ч. I, 4-е изд., СПб., 1899, стр. 425.

² М. V a s m e r, указ. словарь, Bd. II, Lief. 18, Heidelberg, 1955, стр. 657.

³ В. В. Р а д л о в, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, вып. 2, СПб., 1889, стб. 547.

⁴ М. V a s m e r, указ. словарь, Bd. II, Lief. 18, стр. 663 и сл.

⁵ Любопытно, что тюркское *aslan* «лев» и в осетинских фамильных именах отложилось в двух формах: *aslæn* (фамилия *Aslænatæ*) и *slon* (фамилия *Slonatæ*).